

L'Antiquité tardive en Provence (IVe–VIe siècle). Naissance d'une chrétienté. Sous la direction de Jean Guyon et Marc Heijmans. Arles: Actes Sud, 2013. 224 p.

Понятие «поздняя античность», не чуждое и нашей историографии, получило на Западе столь широкое распространение, что почти утратило сколь-нибудь общепринятый смысл. Если первоначально оно было синонимом эпохи Домината, то уже в межвоенный период, например у Анри Пиренна, границы его включали как эпоху Домината, так и следующие 200 лет – своего рода жизнь Западной империи после смерти, которую он связывал со вторжением арабов в Средиземноморье¹. Издающийся во Франции с 1992 г. журнал «L'Antiquité tardive» определяет свои временные границы IV–VIII вв., но нередко выходит за них и охватывает вторую половину III в. Сходным образом датирует эту эпоху выходящий с 2008 г. американский «Journal of Late Antiquity». Существуют и еще более широкие трактовки, удивительным образом сосуществующие в научной литературе без видимых неудобств для исследователей, пользующихся этим термином. Так, Питер Браун в одной из своих книг датировал этот период 150–750 гг.² Жан Дюрлиа, для которого, по выражению Криса Уикхэма, «падение Рима, похоже, не имело места»³, не педалируя, правда, сам термин «поздняя античность», но и не игнорируя его, начинает этот период с Диоклетиана, а заканчивает свержением Людовика Толстого (888 г.) и окончательным распадом державы Каролингов⁴.

Критерии и сами параметры выделения «поздней античности» в отдельную эпоху, таким образом, самые разные, а наполнение термина имеет скорее негативный оттенок. Это «ненастоящая» античность, с угасающими полисами и отмирающим язычеством, ростом бюрократии и ослаблением рационализма. С другой стороны, это «ненастоящее средневековье», без рыцарей, замков, раздробленных государств, хотя уже с обилием монастырей, усилением роли обычного права и натурализацией экономики. Своего рода переходный период с размытыми границами. Многие сомневаются, что этот термин действительно нужен. Его единственное бесспорное обоснование, хотя и грешащее преувеличением, состоит в привлечении внимания к тому факту, что трансформация античного общества в средневековое началась задолго до 476 г. и завершилась много поколений спустя после этого события.

В том, что касается датировки и содержания этого процесса, авторы рецензируемой коллективной монографии не претендуют ни на эпатаж читателей, ни на многогранность анализируемой тематики. Книга охватывает IV–VI вв. и, как указывает подзаголовок, посвящена всего одному, правда, очень важному аспекту изучаемой переходной эпохи: распространению христианства. Выбор опять же одного региона – Прованса, постепенно оформившегося к концу этой эпохи в отдельную провинцию, несомненно, сузил рамки исследования, зато придал ему конкретность, столь необходимую, когда речь идет об историко-археологических сюжетах.

Оба руководителя проекта – высококлассные археологи, с той лишь разницей, что Ж. Гуйон со временем стал писать также на общеисторические сюжеты (политическая и церковная история), а его ученик М. Айманс (голландец по происхождению, давно осевший в Арле) пока что остается чистым археологом – насколько это возможно. Вместе они собрали большую группу исследователей (археологов, историков, религиоведов, филологов), в том числе Б. Божар, М.-Ж. Делажа, Б. Дюмезиля, П. Маравалья, Л. Пьетри и некоторых других известных специалистов, работавших по единому плану, что во многом предопределило успех проекта.

Монография практически игнорирует полумифические, но почитавшиеся позднее достоверными сообщения о ростках христианства в Провансе до IV в. Повествование начинается с военно-политических событий, приведших в 312 г. Константина Великого к власти в результате поражения Максенция у стен Рима. Книга, обильно снабженная фотографиями и планами, четко делится на три части, соответствующие трем векам, вынесенным в заглавие. Каждая часть

¹ Pirenne 1937.

² Brown 1989.

³ Wickham 1993, 107–126.

⁴ Durlat 1990.

начинается с обзора основных событий политической и церковной истории, определивших судьбы христианства в том или ином столетии, далее следует презентация археологических данных (самых разных), затем, в зависимости от наличия материала и специалистов, читателю предлагается несколько более разнородный, но достаточно логичный и всегда увлекательный подраздел, посвященный конкретным местностям и зданиям и населявшим их людям.

Прослеживая истоки становления церковной организации Прованса, авторы анализируют деление Нарбонской Галлии на три части, демонстрируют рост политического значения Арля (где в 314 г. был созван синод западных епархий империи, призвавший христиан не чураться государственной, в том числе военной, службы, и где, по крайней мере однажды, в 316 г., находилась ставка Константина). В книге и далее видное место уделяется политической истории Прованса, связанной с его церковной историей и географией. В первую очередь речь идет об Арле, который чаще других городов оказывался в центре исторических событий и который в целом изучен лучше благодаря многочисленности доступных нам текстов, а также более интенсивным раскопкам и реконструкциям.

Около 407 г. в Арль из Августы Треверов была перенесена, подальше от германской границы, префектура претория Галлии. После того как в 418 г. в юго-западной Галлии были поселены на правах федератов вестготы, Арль стал по сути прифронтовым городом. В 475 или 476 г. после многих попыток они захватили Арль, ставший одной из резиденций их конунгов, в том числе Эйриха, умершего здесь в 485 г. После разгрома вестготов франками при Пуатье (507 г.) Арль, как и весь Прованс, попал под власть остготов (508 г.). В 513 г. папа Симмах даровал архиепископу Арля Цезарию *pallium* и статус папского викария всей Галлии. В 536 г. город вместе со всем Провансом был уступлен остготами франкам в расчете на их поддержку в войне с Византией. С этого времени растет роль Марселя, постепенно оттеснившего Арль на второе место как торговый порт, но не как церковно-политический центр.

Эти факты хорошо известны. Их уточнение и более взвешенная интерпретация, при всей важности этих операций для исторического знания, не может перевесить открытие новых фактов, но, к счастью, таких фактов в монографии много. Большинство из них обязано своим появлением археологии и анализу эпиграфики и в заметно меньшей степени, что является упущением, анализу литературных текстов. Авторы монографии пришли к выводу, что в начале IV в. христиане составляли явное меньшинство жителей Арля и не стремились подчеркивать свои религиозные взгляды. Это особенно наглядно видно по украшениям саркофагов, иногда только намеком отличающихся от саркофагов язычников. Надписи, указывающие на принадлежность к христианской культуре (альфа и омега и т.д.) лишь немного более очевидны. Изображения христиан на домашней утвари, например посуде, в этом смысле более красноречивы, но достаточно редки, как и в других городах региона. Не менее показательно, что несмотря на активное строительство IV в. христианские храмы появляются в Провансе лишь в конце этого столетия, причем опять же раньше всего в Арле. Еще в V в. христианские общины Прованса не без труда склоняли местные городские власти к организации публичных молебнов. Тем не менее V век является переломным в том, что касается восприятия в Провансе новой религии. Показательно уже внушительное количество христианских писателей, в том числе прибывших издалека, работавших здесь в это время и появивших на христианскую культуру далеко не только данного региона: Иоанн Кассиан, Иларий Арелатский, Валериан Симьезский, Геннадий Марсельский, Сальвиан, Паулин из Пеллы, Юлиан Померий, Фауст Рьезский... Но не менее важным следует считать неспешное, почти незаметное проникновение в сознание местных жителей базовых христианских представлений о добре и зле, покаянии и прощении, богатстве и бедности, регулярном совершении обрядов и т.д.⁵

Ситуация меняется лишь в самом конце V в. (причем, конечно, перемены происходят с неодинаковой скоростью и глубиной, что обусловлено и реальным положением вещей в той или иной *civitas*, и степенью его изученности, в частности разными масштабами произведенных археологических работ) и особенно в VI в., который уже можно считать временем победившего христианства. Цезарий Арелатский иногда сетует на языческие пережитки в повседневной жизни и мировоззрении части своих прихожан, особенно низших слоев общества и сельских жителей, говорит о необходимости как можно скорее крестить своих рабов и других подвластных, но его проповеди не оставляют сомнения в том, что подавляющее большинство арлезианцев – христиане, хотя нередко их вере недостает глубины и искренности.

Раскопки последних трех десятилетий, наиболее интенсивные и систематические в Арле и Марселе, показали, как с конца IV в. менялась топография городов Прованса. Наибольшее

⁵ См. Bailey 2010.

внимание уделялось и уделяется форуму, фортификациям и — особый вопрос — некрополям. Однако строительство новых зданий и дорог нередко влекло за собой охранные раскопки самых разных кварталов древних городов, поэтому картина, хотя и остается далеко неполной, но все же заметно более разнообразна, чем еще поколение назад. Сегодня раскопано и немало жилищ людей небольшого достатка. Более того, интенсифицировались раскопки сельских поселений и расположенных в них или по соседству с ними храмов, как правило, скромных, но с течением времени все более многочисленных часовен, свидетельствующих о распространении христианства за пределы городов. О некоторых из этих храмов известно и из письменных источников.

И все же основное внимание по-прежнему уделяется воссозданию меняющегося облика форума. Современные археологи показали, как расширялись пространства, занятые кафедральными соборами, храмами менее высокого статуса, баптистериями, резиденциями епископов, другими церковными зданиями и как, соответственно, сокращались остальные территории форума и города в целом. Собор нередко становился центром форума и средоточием общественной жизни. Судя по размерам храмов, возведенных в конце V и особенно в VI в., они могли вместить огромное количество прихожан (много сотен — наверняка). К сожалению, как правило, мы не можем сравнить их количество с населением города в целом, тем более что вместительность храмов зависела не только от размеров той или иной христианской общины, но и от ресурсов и амбиций местных епископов и местной элиты в целом. Перестройка крепостных стен, появление в городе пустующих участков, частичное использование общественных зданий, например, цирков и театров, под частное жилье, присутствие среди прихожан не только горожан, но отчасти и окрестных сельских жителей лишают нас привычных для классического антиковедения методов оценки населения того или иного города.

С этим на нынешнем этапе исследования, видимо, придется смириться. Однако по непонятным мне причинам авторы рецензируемой монографии не задались другими вопросами, связанными с «рождением христианства» в Провансе. Кем были прихожане так называемого Евсевия Галликанского, Цезария Арелатского, Фауста Риезского, других, менее известных проповедников, чьи сочинения являются основным источником по истории христианизации «позднеантичного» Прованса? Кому они проповедовали? Кто приходил в их храмы, а кого там не привечали? Какое место среди их паствы занимали женщины? С какого возраста храмы были открыты для детей? И пускали ли туда рабов? Увы, на эти вопросы в книге ответов нет, они даже не ставятся, хотя на этот счет есть публикации, в том числе мои, причем изданные на французском⁶. Я не знаю, как объяснить этот факт.

Литература / References

- Bailey, L.K. 2010: *Christianity's Quiet Success: The Eusebius Gallicanus Sermon Collection and the Power of the Church in Late Antique Gaul*. Notre Dame.
- Brown, P. 1989: *The World of Late Antiquity*. 2nd ed. New York.
- Durlant, J. 1990: *Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–888)*. Sigmaringen.
- Filippov, I. 2010: Les élites et la richesse à Arles à l'époque de Saint Césaire. In: J.-P. Devroey, L. Feller, R. Le Jan (éds), *Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge*. Actes du colloque international (Bruxelles, 13–15 mars 2008). Turnhout, 183–220.
- Klingshirn, W.E. 1994: *The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*. Cambridge.
- Pirenne, H. 1937: *Mahomet et Charlemagne*. Paris—Bruxelles.
- Wickham, Ch. 1993: La chute de Rome n'aura pas eu lieu. *Le Moyen Age* XCIX, 107–126.

Igor S. Filippov,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
isfilippov@gmail.com

И.С. Филиппов,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории средних веков МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁶ См., например, Filippov 2010, 183–220; cp. Klingshirn 1994.